

Матушка Сюй внесла в комнату таз с теплой водой, намочила полотенце и принялась отирать пот с лица госпожи, чья кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок.

— Госпожа, умоляю, поправляйтесь. Если вы уйдете, что же станет с нашей барышней? — приговаривала она.

Женщина снова опустила полотенце в воду, прополоскала его, отжала и продолжила свое дело. Сяо Лань, раздраженная этим шумом, приоткрыла глаза, обвела взглядом комнату и вновь их закрыла.

Все то же самое... Неужели всё началось сначала?

Она понимала, что это не так: на лице матушки Сюй все еще виднелись синяки.

— Матушка... — Сяо Лань с трудом разомкнула губы. Во рту пересохло, было до того неприятно, что слова давались с трудом.

Матушка Сюй, занятая полотенцем, решила, что ей послышалось. Но, заметив, что госпожа смотрит на нее, она замерла. В душе женщины вспыхнула радость, смешанная с такой глубокой скорбью, что на лице отразилась целая гамма тяжелых чувств.

— Госпожа, вы столько натерпелись!

— Воды...

Матушка Сюй поспешила к столу, схватила кувшин и чашку. Сяо Лань смогла прийти в себя лишь после третьего стакана.

— Сколько я проспала?

— Четыре дня...

Это оказалось меньше, чем она думала. Ей снился очень долгий сон. Она видела, как вернулась в современный мир, очнулась в больничной палате. Родители, обеспокоенные, окружили её, она плакала, жаловалась им, впервые признаваясь в своей зависимости от них, впервые показывая свою слабость.

Но теперь сон растаял, и она снова здесь.

— Госпожа, эти два дня та старая карга уже всю готовилась к вашим похоронам. Раз уж вы очнулись... они... — Матушка Сюй раньше относилась к клану Сунь с почтением, все-таки зять,

и старалась не доводить дело до открытого конфликта. Но теперь скрывать нечего: за эти дни она прокляла их всех в душе тысячи раз.

Сяо Лань знала, что матушка Сюй боится повторения покушения. Это был уже второй раз. Первый прошел бесшумно, второй — нагло и открыто. Если она выжила, то чего ожидать в третий раз? Сяо Лань понимала: даже если она умрет здесь, вернуться в свой мир уже не сможет. Тот сон был лишь прощанием.

Она приподнялась, но четыре дня без еды и движения лишили её сил — сидеть было трудно. Матушка Сюй подложила ей за спину одеяло.

Осенний дождь принес холод, за эти дни погода заметно изменилась. Сяо Лань глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Где Сунь Шаохуа?

— Он у наложницы Хэ. У той через месяц роды, вот она и жалуется на боли в животе, лекаря Вана вызвала, — матушка Сюй больше не утруждала себя вежливыми обращениями.

— Сейчас тебе разрешают выходить из двора?

— Только Моли и Хайтан могут выходить. Старая слуга не может, у дверей караулят, — с досадой ответила матушка Сюй.

— Позови Моли. — Сяо Лань протянула руку за чашкой и спросила: — Синь'эр вернулась? Или Цуйчжу?

Матушка Сюй не смела отвечать, но и промолчать не могла. Подавая чашку, она со слезами на глазах кивнула.

— Пойду позову Моли.

Сяо Лань выпила уже остывший чай, думая о том, что маленькой Синь'эр придется несладко. Наверняка ей сейчас хуже, чем в прошлый раз. Выдержит ли такое испытание этот ребенок?

Когда вошла Моли, лицо её было мрачным. Сяо Лань понимала причину, поэтому отослала матушку Сюй, оставив их вдвоем.

— Какие будут указания, госпожа? — Моли скривила губы, не желая смотреть на хозяйку: всё равно, мол, недолго им осталось.

Моли была умна. В тот день она слышала шум в комнате и догадывалась, что произошло. Она пришла в клан Сунь вместе с госпожой, как приданое. Разве позволят ей вернуться в клан Сяо живой? Конечно, нет. А остаться здесь — какая жизнь её ждет? В прошлый раз она хотела уйти, пока Сяо Лань была жива. Теперь она всё поняла. И Сяо Лань тоже всё понимала.

— Приведи сюда Сунь Шаохуа, — отрезала Сяо Лань.

— Госпожа, что за шутки? В нашем дворе сейчас радуются, если удастся хоть немного жидкой каши поесть, а вы хотите увидеть господина? — Моли сочла это безумием. Где она была раньше? Теперь спохватилась просить помощи.

— Если я умру, ты тоже не выживешь. А если останусь здесь в заточении — смерть неизбежна. Приведи Сунь Шаохуа, и у меня появится шанс на спасение! — Сяо Лань схватила Моли за руку. — Я верю, что ты сможешь. — Она посмотрела на служанку твердым, не терпящим возражений взглядом.

Моли смотрела на ту, кого в клане Сяо когда-то лелеяли как зеницу ока. Теперь её госпожа опустилась до того, что вынуждена просить помощи у собственной слуги. Моли прислуживала Сяо Лань с пяти лет. В усадьбе Сяо они жили припеваючи, а здесь, в клане Сунь, вместе влачили жалкое существование. Это и есть то, о чем говорила матушка Сюй: одна судьба на двоих.

Как только Моли покинула двор, вошла матушка Сюй.

— Госпожа, зачем вы позвали Моли? — обеспокоенно спросила она, заметив, что та была не в духе.

— Чтобы привела Сунь Шаохуа. — Сяо Лань, опираясь на руки, спустила ноги с кровати. — Матушка Сюй, помогите мне одеться и причесаться.

— Да как он... — матушка Сюй хотела отговорить её, но, увидев решимость в глазах госпожи, замолчала.

Медное зеркало на туалетном столике было хорошо начищено, матушка Сюй следила за ним, так что отражение было четким. Сяо Лань впервые внимательно разглядела себя. Внешне она не отличалась от прежней себя, но выглядела иначе. У той Сяо Лань была короткая стрижка, решительный вид, крепкое телосложение от постоянных тренировок, сияющий взгляд. А та, что смотрела из зеркала сейчас, была хрупкой, бледной, из-за наряда казалась слишком нежной, лишенной прежней остроты.

Но взгляд остался прежним.

— Губы бледнее... румяна поменьше... брови подкрась едва заметно...

Вскоре макияж был готов: строгий, изящный, с легким налетом болезненной хрупкости. Сяо Лань осталась довольна мастерством матушки Сюй. Она села за стол, велела заварить чай и стала ждать.

Моли, выйдя из двора, сначала направилась к наложнице Хэ, но по пути передумала и свернула к кабинету Сунь Шаохуа. Она знала, что повсюду люди матушки Юй, и если кто-то донесет, ей несдобровать. Она пробиралась осторожно, прячась в тени, и наконец добралась до дверей кабинета.

Вскоре появился Сунь Шаохуа в сопровождении Чи Юя. Неизвестно по какой причине, но он отослал слугу и вошел в кабинет один.

Момент настал. Как только Сунь Шаохуа переступил порог, Моли вошла следом. Тот от неожиданности отпрянул, а узнав её, в гневе воскликнул:

— Дерзость! Что ты здесь делаешь?

— Господин! — Моли не стала падать на колени, а лишь позволила слезам медленно скатиться по щекам, глядя на него с глубокой печалью. — Госпожа при смерти, она лишь просит увидеть вас в последний раз!

Её голос звучал мягко и скорбно — никакого раздражающего вопля, лишь покорность и мольба. По пути сюда Моли перебрала тысячи способов, как просить о помощи, и выбрала тот, что лучше всего подойдет господину. Он был падок на женскую красоту, но сама она не обладала выдающимися данными и не хотела продавать себя ради Сяо Лань. Господин ненавидел шум и любил покорность — она выбрала золотую середину. Эту манеру она часто видела у наложницы Хэ.

Сунь Шаохуа, видя, что служанка ведет себя тихо и смиренно, смягчился.

— Она хочет меня видеть? Она очнулась? — он сел за стол, удивленный не столько тем, что она жива, сколько тем, что она хочет его видеть.

Моли поспешила подойти ближе, встала сбоку, соблюдая почтительную дистанцию.

— Да, господин. Она очнулась и первым делом спросила о вас. Она сказала: только перед лицом смерти понимаешь, кто тебе дороже всего на свете. — Видя, что он молчит, Моли добавила еще несколько слов.

Она теребила в руках платок, слегка хмурясь и украдкой поглядывая на лицо Сунь Шаохуа, изображая страх и робость. Этот прием она подсмотрела у наложницы Хэ, когда та за дверью распускала сплетни о Сяо Лань.

Сунь Шaoхуа посмотрел на неё: девчонка выглядела жалко, и он решил, что вряд ли она замышляет что-то дурное. К тому же ему самому стало любопытно взглянуть на ту дерзкую Сяо Лань и проверить, сможет ли она теперь так же беззаботно раскачиваться в своем кресле.

— Ну что ж, в конце концов, мы были мужем и женой. Пусть её душа упокоится с миром.

<http://bllate.org/book/21470/2196836>